

Н. Н. Малов
(Москва)

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПИСЬМА П. В. АННЕНКОВА ОБ ИЗДАНИИ СОЧИНЕНИЙ ПУШКИНА

В следствии письменных источников Исторического музея в Москве, благодаря любезности сотрудника отдела Т. П. Мазур, мне удалось разыскать три письма издателя и первого биографа А. С. Пушкина — П. В. Анненкова, касающиеся великого поэта. Письма адресованы известному профессору Московского университета Т. Н. Грановскому и относятся ко времени, когда Анненков готовил издание сочинений Пушкина и встречался с его вдовой, по чьей доверенности он и осуществил это издание.

Вот первое из этих писем.

«Ах, добрый Тимофей Николаевич! Как же не хотеть письмо Пушкина. К брату Льву? Может быть, ни в одном не выразился так полно весь он, да ни в одном не выражена так хорошо характеристика всей эпохи 20—25 годов, как там. Содержание его ныне известно, потому что оригинал его находится у жены Пушкина — Ланской, но она делает из него тайну, прочитывает некоторые места, которые ей кажутся важными, а цельного документа не сообщает. Приобретение его было бы чрезвычайно важно. Замечательно, что Пушкин приказывал жене передать это письмо старшему своему сыну, когда ему исполнится 18 лет — видно, он сам считал его образцом житейской мудрости, светским Кораном. Письмо однако же не передано по указанию супруга и до сих пор, хотя молодому человеку теперь уже за 20-ть. Видно, молодежь нынче формируется позднее, чем во времена поэта, и мать опасается, чтобы советы отца не были опасной новостью для сына. Это несколько

странно, особенно, если принять в соображение, что ку-чера, содержание танцовщиц и другое времяпрепровождение столько же должны способствовать возмужалости, сколько и игра настоящих страстей, о которой говорится в письме.

Все это вместе делает письмо до крайности занимательным, и внезапная возможность получения его просто есть счастье. Потрудитесь же, батюшка, даже для себя — приятно знать, как понимал достоинство, нравственность и человеческие обязанности Пушкин в 1822 году...

СПб, масленица. П. Анненков».

Речь идет здесь о письме Пушкина брату Льву, написанном в Кишеневе осенью 1822 года на французском языке. Оно было полностью опубликовано только в 1858 году (в Полном собрании сочинений А. С. Пушкина изд. АН СССР 1949 года, в томе X см. его под номером 37 на стр. 47 — 48, перевод — на стр. 757—758).

«Не могу же, Грановский, пропустить молчанием того обстоятельства, что уже шесть листов издания Пушкина оттиснуты и лежат передо мною. Мне этому немудрено радоваться, потому что стоило некоторых хлопот, но, кажется, мудренее заставить радоваться этому и публику. Бестия ссылается на дурные времена и подписываться не хочет, а ждет, чтобы ей товар показали. Конечно, со стороны логики и практического смысла она права, да этим она меня затрудняет.

Я начинаю думать, что в ней нет ничего рыцарского и грандменсеньеровского. Правда, после опытов с Плюшаром, Булгариным и Сенковским трудно и сбегать духовную чистоту и откровенность.

Также нет ничего рыцарского и грандменсеньеровского и в г. Бартеневе, на которого Вам жалуюсь, хотя Вы ничем пособить не можете, но пожаловаться все-таки приятно. Мальчик сей напечатал стихотворение, мною отысканное, едва мною разобранные (и едва пропущенные), без малейшей оговорки, как свою собственность. Это — ВОСПОМИНАНИЕМ СМУЩЕННЫЙ. Много стихотворений Пушкина, открытых мною, давал я порядочным людям и не воображал, чтобы поэтому Бартенев до выхода издания мог ими располагать, как за-
благорассудится ему.

Когда поднес я сие мое сомнение на воззрение самого Бартенева (через Каткова), то оный птенец Вашего университета, которого биографию, вероятно, тоже опубликуют при юбилее, ответил, что он получил право печатать все, что только утащит, от г. Соболевского, опекуна детей Пушкина! Это меня просто ошеломило. Во-первых, г. Соболевский не есть опекун над Пушкиными, над которыми уже нет опеки, а, во-вторых, что же это за Папа, который дает индульгенции Бартеневу прибирать к рукам все, что плохо лежит. Эдак, пожалуй, как настоящий Папа, он с духовных вещей перенесет власть свою на материальные; но я думаю, что тогда Бартенев остановится. У него нет чувства приличия в натуре, но есть еще стыд, и если Вы ему при случае намекнете о неблаговидности поступка, то может он и исправится. Тогда на небе будет большая радость, и Вам это зачтется за что-нибудь.

Прощайте, Грановский.
П. Анненков.

9 ноября. СПб»

Письмо, очевидно, написано в 1854 году, так как публикация Бартенева относится к этому году; университетский юбилей, о котором пишет Анненков, состоялся в 1855 году. Сам Бартенев — впоследствии видный историк и пушкинист — в это время только начинал свою деятельность.

Третье письмо гласит:

«Можно наплевать в глаза тому, почтеннейший Тимофей Николаевич, кто распустил по Москве благородное подозрение о том, будто я сочинил запрещение о печатании Пушкина. Это постановление сделано здесь и, конечно, без моего содействия, еще в 1852 г., для гарантии семейных прав пушкинских наследников, так что даже для статей о Дельвиге Гаевского цензор Бекетов требовал, в отношении прозы и стихов Пушкина, согласия моего, как получившего эти права по передаче. Это известно Гаевскому, Некрасову, Тургеневу, Бекетову, Коршу и еще тысячам. Теперь же это постановление приложено, как я вижу, в Москве. Это — первое.

А второе и главное: я запретил печатание чего-либо про Пушкина? Кроме нравственных трудностей, но спрашиваю: был ли пример подобного ходатайства где-либо

со стороны частного человека и литератора и возможно ли предполагать, чтобы какое-либо Министерство было столь...столь..., что приняло его? Неимоверно.

А дело вот в чем: в Москвитянине появилась сцена молодого чернеца из Б. Годунова; я вступил с прошением, чтобы и мне позволили включить ее. Мне отказали, или лучше, я сам отказался, но ныне я имею удовольствие слышать, что я подал донос на журнал.

У меня вычеркнули стихи Пушкина о Державине; я вступил с прошением, приведя безалаберные пометки цензора. Стихи мне позволили, но Фрейганг говорит, что я на него подал донос. У меня вычеркнули Лицейскую, внутреннюю жизнь Пушкина. Я сослался на статьи Гаевского и Бартенева, что и вызвало предписание.

Это, может статься, неловко, но я полагаю, что я был обязан так поступать, да если бы пришлось второй раз начинать, то точно так же бы поступил.

А ведь распустил слух, что я выхлопотал запрещение, и правдоподобие ему дать в минуту появления издания, все это, право, ловко, но гадко, мерзко и огорчительно. Только это не на долго. Однако же буду писать и Каткову...

Я перестал думать о подписчиках, а печатаю теперь в трех типографиях, биографию в одной, стихи Пушкина в другой, прозу его в третьей. Голова идет кругом; в стихах, я надеюсь, не будет ошибок, но биография начинает страдать вываливающимися буквами и опечатками.

Каждое Н вместо И однакож наносит мне удар книжалом в сердце. Начинаю худеть.

Прощайте, Грановский.

П. Анненков.

4 декабря.»

Письмо относится к 1854 году, когда заканчивалось печатание первых томов анненковского издания. Письма отражают атмосферу борьбы вокруг наследия Пушкина, характерную для тех лет.

КАЛИНИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПУШКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ
НА ВЕРХНЕВОЛЖЬЕ

СБОРНИК ВТОРОЙ

КАЛИНИН 1974